

РЕЛИГИОЗНОЕ И СВЕТСКОЕ ПОНИМАНИЕ ФЕНОМЕНА ЛЮБВИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В средневековой культуре сформировалось новое понимание феномена любви. Идеалом для земной любви является отношение человека и Бога. Ключевую роль в куртуазной любви играет дистанция. В человеке дистанция трансформирует его ожидания, дает импульс для самосовершенствования.

Ключевые слова: куртуазная любовь, религиозный идеал любви, трансцендентность, дистанция.

В поздней средневековой западной культуре формируется принципиально новое понимание феномена любви. Во Франции это понимание возникает в XII в., в нарождающейся культуре трубадуров, которая впоследствии оказала влияние на всю рыцарскую культуру в целом. Прежде всего, провансальская рыцарская культура положила в основание новый образ женщины. По сути, эта культура сделала возможным реабилитацию женщины, связав образ прекрасной дамы (земной женщины) с девой Марией.

Прообразом нового идеального любовного чувства к женщине выступает религиозное чувство, любовь к Богу – как единственное допускаемое официальной церковной доктриной любовное чувство, доходящее порой до иступленной страсти в своем крайнем проявлении. Известные факты о страсти в отношении Христа (в женском варианте) или к деве Марии (в Испании существовали целые монастыри, где мужчины приносили обет верности деве Марии) требовали от человека отдачи и на уровне души (эмоциональная привязанность) и на уровне тела (отказ от обычных межполовых отношений). Любовь к Христу или деве Марии предполагала, с одной стороны, полную самоотдачу человека чувству любви, с другой – совершенствование человека, чтобы быть достойным этой любви. Эти же два момента ложатся в основание куртуазной любви, с изменением лишь объекта любви. Новым объектом этой любви становится земная женщина.

Отметим, что любовь божественная (Бога к человеку) была исходным эталоном куртуазной любви, то есть любовь к женщине становится символом иной любви к Богу и деве Марии. Куртуазность как символический мостик между любовью к деве небесной и деве земной, становится символом, объединяющим два мира: реальный и трансцендентальный.

Отношения, задаваемые воображением в куртуазной любви, дистанцируются от реальной женщины, и эта пауза в переживаниях дает возможность появиться в реальной женщине – небесной, и в рыцаре появиться новому типу любви. Дистанция в отношениях, в частности, задаваемая паузой во времени и правилами в форме отношений, позволяет переродиться влечению в новое качество. Правила поведения тут задаются целью перейти от обычного чувства к куртуазному.

Правила куртуазности начинают требовать от влюбленного соблюдения необходимых форм поведения, проявляющихся не столько в момент встречи с его возлюбленной, сколько в период подготовки к встрече с ней. Фактически любовь к прекрасной даме становится действенным стимулом изменения самого рыцаря. Ранее таким основанием было понятие «чести» или «доблести». Понятие «чести» сохраняется, но превращается в карьеру и славы становится любовь, точнее, способность к куртуазной любви. «Представление о любви как о страсти, состоянии почти болезненном, оказалось связано с идеей рыцарства, сформировавшейся к кон. XI в., и системой сеньориальных взаимоотношений. Умение любить “истинной любовью” стало описываться как одна из основных добродетелей рыцаря» [1, с. 254].

Культура трубадуров рождает новое измерение любви. Куртуазная любовь к прекрасной даме через внешние правила и долгие паузы в свиданиях переходит внутрь влюбленного и перестраивает его психику, то есть задает дистанцию внутри влюбленного человека. Эта дистанция выражается, прежде всего, в появлении и развертывании во время паузы нового пространства трансцендентного типа, которое открывается влюбленному по мере погружения в куртуазное состояние. В этом состоянии целью становится не обладание объектом любви, а страдание, совершенствование, завоевание любви женщины. Рыцарь должен быть достоин своей дамы, он путем совершения благородных деяний доказывает свою любовь и повышает уровень своего совершенства. Это совершенство выражается в том, что он хранит ее образ в своей душе и разуме, а это мир существенно отличный от реального. Он создает в себе хранилище для ее небесного образа. Для такого перерождения, проявляющегося в его поведении и эмоциях, в его речи и в стихах необходима дистанция. Эта дистанция насыщена интенсивным созиданием нового трансцендентного пространства, и рыцарь, помещая даму в рай в своем воображении, в то же время осознает себя творцом рая. Это творчество ради нее питается энергией переживания, которое не сосредоточено на достижении любимой, такое переживание ценно само по себе.

Схема феномена средневековой любви, позднее воссозданная в творчестве А. Данте, позволяет нам зафиксировать единение мысли, действия и переживания в экстатическом выражении. Этот вид любви можно рассматривать как идеал любви для последующего ее анализа в различных философских концепциях.

Влюбленный страдал, в этом страдании и стремлении к идеалу заключалась цель его любви, а смысл этого страдания был в проживании, по сути, святой жизни, демонстрация способности к святости через любовь.

«Таким образом, любовь, занявшая место античных муз и диктующая трубадурам их песни, определяется трубадурами как источник совершенства, чистоты и добра, эта любовь облагораживает любящего. По своей природе эта любовь ориентирована не на достижение какой-либо цели, а на переживание, которое одно способно принести влюбленному высшую радость. Эта радость достигается долгим страданием, но добровольно принятое страдание оборачивается для трубадура блаженством» [2, с. 533].

Одной из особенностей куртуазной любви, иллюстрирующей ее дистанцию, становится тайна любви. Известно, что истоком любви к прекрасной даме становятся чувственные переживания по отношению к жене феодала. Это могли быть отношения племянника и жены его дяди или влюбленного слуги-поэта по отношению к своей госпоже. В таких отношениях явно возникает доминирование, власть женщины над мужчиной, что объясняется источником таких отношений. Проявляется эта власть, как правило, в ожидаемой реакции на действия влюбленного рыцаря. Рыцарь в отношениях должен был проявлять утонченность, он утрачивал напористость, его действия заключались в просьбе и ожидании. Идеальное поведение влюбленного – трепетное обожание.

Те же мотивы тайны прослеживаются в творчестве А. Данте. Д. Мережковский обращает внимание на место в «Божественной комедии» А. Данте, где тот говорит о тайне любви. Любовь не должна приоткрывать свою тайну, Тайнство любви – это таинство двоих, утрата тайны ведет к угасанию любви. Не всякая земная любовь недолговечна, но только та, что соприкоснулась с чужими взглядами, отношением, соприкоснулась с обыденностью. Это напоминает соприкосновение двух реальностей: инобытия, в котором находятся переживающие чувство любви, и действительности, где любовь вынуждена подчиняться общественным установкам, нормам. Узнанная любовь недолговечна. То есть дистанция порождает мостик между реальностью и трансцендентальным миром воображения, в этом проявляется направление воображения к миру трансцендентного.

Феномен любви в произведениях трубадуров основан на дистанции между мужчиной и женщиной, но это иного рода дистанция, какой требовала христианская религия. Дистанция была призвана не ослабить или уничтожить чувство любви-страсти, а напротив, усилить его. Страдания во имя любви делали объект любви все более вожделенным. Но вожделение направлено не на половой акт, а на развертывание трансцендентальной составляющей собственной души. «Удовольствие, таким образом, заключалось не столько в удовлетворении желания, сколько в ожидании. Само желание становилось высшим удовольствием. В этом – истинная природа куртуазной любви, которая реализуется в сфере воображаемого и в области игры» [3].

Образ любимой, невозможность или отдаленность физического удовлетворения задавали дистанцию чувства внутри самого человека, позволяя ему направлять и совершенствовать это чувство. Не имея физической возможности выхода страсти, трубадур находил реализацию ее в духовном страдании, результатом которого могло стать творчество, подвиги, духовное и эмоциональное развитие. «Куртуазная любовь способствовала утверждению существующего порядка, проповедуя мораль, основанную на двух добродетелях: выдержке и дружбе. Рыцарь должен был уметь владеть собой, укрощать свои порывы. ... Чтобы завоевать благосклонность той, кого рыцарь называл своим “другом”, он демонстрировал самоотречение, преданность, самоотверженность в служении» [3].

Может показаться, что это служение есть попытка добиться внимания, или следствие условности положения, но она подразумевает и трансцендентную реальность, которая является в образах влюбленным. Смыслом любви становится не продолжение рода, не получение удовольствия, а совершенствование самого влюбленного ради подвига любви, то есть дистанция и препятствия на пути обыденной страсти могут создать развертывание чувства в трансцендентном направлении, если следовать правилам. Таким образом, любовь как феномен становится способом выхода за границы обыденности и мостиком с миром трансцендентного. Феномен любви через воображение, через образ возлюбленной смыкает реальность обыденную и реальность трансцендентную, или инореальность.

Необходимость терпения очевидна, так как возникший разрыв, дистанция между желанием и его удовлетворением, требовала терпения и выдержки. Собственно испытание влюбленного внешне проявлялось в его выдержке и противостоянии нарастающему чувству. Рыцарь должен был учиться направлять свое воображение в трансцендентное будущее, меняясь по мере усиления чувства.

О наличии дистанции говорит и тот факт, что любовь могла возникнуть и без восприятия физического облика женщины, в текстах трубадуров часто встречаются истории о том, как вспыхивало чувство лишь при упоминании имени дамы или воображаемого образа. Примером подобной любви может служить жизнеописание Джауфре Рюделя, [см. 4] история о том, как Рудель заочно полюбил графиню Триполитанскую, ориентируясь лишь на слухи о ней. Он стремится к ней, идет в крестовый поход, плывет в Триполи, по дороге заболевает и практически при смерти его доставляют во дворец его прекрасной дамы, где он и умирает в ее объятиях, благодаря Богу за то, что он позволил, пусть на мгновение, увидеть возлюбленную. В произведениях трубадуров более позднего периода мотив «дальней любви» получает широко распространение. Здесь внешним проявлением дистанции становится разлука – дополнительный фактор дистанции и объяснение

поведения рыцаря для постороннего читателя. Так Бертран де Борн полюбил дону Гвискарду, которой посвящал очаровательные строфы прежде, чем увидел, по одной лишь доброй молве о ней, а Раймон де Мираваль так расхваливает мадонну Алазаис Буасезон королю Педро Арагонскому, что тот ее полюбил, не видав ее, но стгорая от желания ее увидеть.

Сюжет произведения Джауфре Рюделя строится вокруг переживаний трубадура и само переживание становится целью любви. Любовь тем ценнее, чем более недостижимо удовлетворение плотской страсти. Этот мотив усиливается при синтезе двух феноменов – любви и смерти. В любви к умершей невесте дистанция становится максимальной, воображение работает через миры, а любовь становится эталоном отношения к любимой и Богу. Тут она не могла не подразумевать любовь Бога к человеку.

Итак, ключевой в куртуазной любви является дистанция. Она проникает в желание и его преобразует, предмет желания отдаляется от самого желания и удовольствие смещается. Влюбленный получает его не столько от удовлетворения желания, сколько от ожидания, от тайны, от разлуки, и в то же время от собственного развития и совершенствования в искусстве переживаний. Дистанция позволяет влюбленному выйти за рамки существующих в обществе отношений, дает возможность феномену создать новую реальность, новый тип отношений. Увлеченность этой реальностью и отношением становится главным источником и творчества и удовольствия.

В сфере воображения высшим становится не удовлетворение желания, а само желание. Дистанция с помощью воображения порождает новое измерение реальности. В действии дистанция трансформирует его ожиданием и превращает импульс стремления в импульс самосовершенствования. Мысль влюбленного начинает идеализировать предмет любви, и он теперь вызывает иное отношение и вожделение. Эта идеализация подкрепляется воображением и ожиданием. Все вместе формирует поклонение идеалу, сходное с культом.

Важным качеством совершенствования влюбленного является развитие у него навыка терпения и перенаправление желания в сторону развития идеала любимой, собственного совершенства и иной реальности.

Отметим, что такого рода дистанция аналогична как в феномене любви, так и в феномене смерти, что показывает единую тенденцию изменения европейской культуры позднего средневековья в сторону формирования в ней сферы способности создания идеалов, трансцендентной реальности и совершенствования личности. Эта тенденция выражается в приобретении и усилении личностью способности создавать новое измерение бытия.

Библиографический список:

1. Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. М. 1990. URL: <http://ec-dejavu.ru/c/Courtois.html> (дата обращения: 27.05.2018)
2. Жизнеописание Джауфре Рюделя. М. : Наука. 1993. 736 с.
3. Мейлах М. Б. Средневековые провансальские жизнеописания и куртуазная культура трубадуров // Жизнеописание трубадуров / сост. М. Б. Мейлах. М. : Наука. 1993. 735 с.
4. Смолицкая О. В. Куртуазная любовь // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. М. : РОССПЭН. 2003. 664 с.

Осинцев А. В., Чернышкова З. Е.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НОВЫХ РЕЛИГИЙ НА УРАЛЕ

Аннотация. В работе дается обзор экологических взглядов новых религий, представленных на Урале. Делается вывод, что в наибольшей степени на Урале представлены экологические проекты анастасийцев.

Ключевые слова: экология и религия, Звонящие кедры России, Церковь Последнего Завета, неоязычество, новые религии.

В отношении экологической тематики, в рамках новых религиозных движений, представленных на Урале, прежде всего, следует выделить участников движения «Звонящие Кедры России» («анастасийцы»), современных язычников (разные группы) и последователей «Церкви Последнего Завета» («виссарионовцы»).

«Звонящие Кедры России». Движение анастасийцев можно охарактеризовать как изначально экологически ориентированное: от истоков (цикла публикаций В. Мегре), во главу угла здесь поставлены гармоничные отношения человека и природы. В своих работах В. Мегре поведал о ряде «откровений», которые, якобы, передала ему некая Анастасия – женщина, живущая в лесу в гармонии с растениями и животными, обладающая знаниями о законах Вселенной, превосходящими современное земное научное знание.

Анастасийцы подчеркивают опасность неразумного техногенного влияния на окружающую среду и говорят о видимых подтверждениях климатических изменений (в специфической интерпретации): неизменности температуры воздуха в течение нескольких суток, несоответствие растительных циклов лунному